



ВИЗАНТИЯ ЕВРОПА РОССИЯ

социальные практики
и взаимосвязь духовных
традиций



Сборник статей
Выпуск 3

Санкт-Петербург
2023

Социологический институт ФНИСЦ РАН

**ВИЗАНТИЯ, ЕВРОПА, РОССИЯ:
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
И ВЗАИМОСВЯЗЬ ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЙ**

Выпуск 3

Санкт-Петербург
Издательство РХГА
2023

УДК 1:2
ББК 86:87
В42

*Утверждено к печати Учёным советом
Социологического института ФНИСЦ РАН*

Рецензенты:

д-р филос. наук, проф., Е. А. Маковецкий (СПбГУ)
канд. социол. наук Р. Г. Браславский (СИ ФНИСЦ РАН)

Редакционная коллегия:

О. Н. Ноговицин (отв. ред.), А. А. Иваненко, А. Д. Пантелеев,
А. В. Малинов, А. А. Сеницын, А. О. Старикова

В42 **Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Выпуск 3:** сборник статей / Отв. ред. О. Н. Ноговицин; СИ ФНИСЦ РАН. — СПб.: Издательство РХГА, 2023. — 528 с.
ISBN 978-5-907613-89-8
DOI 10.31119/berst.2023.3
EDN BUIOBX

В издании представлены статьи, посвященные интеллектуальной истории трех основных комплексов практик цивилизационного развития в европейском, средиземноморском и евро-азиатском регионах в исторических истоках их возникновения и существования — Византийской, Западноевропейской и Русской цивилизаций, а также цивилизаций, входящих в ареалы их влияния и взаимодействия.

Статьи адресованы специалистам по философии, социологии, теологии, истории, филологии, политическим наукам, искусствоведению.

УДК 1:2
ББК 86:87

ISBN 978-5-907613-89-8

© Авторы, текст, 2023
© СИ ФНИСЦ РАН, 2023
© АНО ВО «РХГА», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ МЫСЛЬ МЕЖДУ ВИЗАНТИЗМОМ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ

<i>Грякалов А. А.</i> Семиосфера и рефлексия: к горизонтальной онтологии	9
<i>Иванов Н. Б.</i> Дионисий Ареопагит: апофатический гипостасис Духа	29
<i>Кузин И. В.</i> Эрос и знание в романе А. Пятигорского «Философия одного переулка»	38
<i>Исаков А. Н., Иванов Н. Б.</i> «Исчезновение понятий»: к трансцендентальной эсхатологии Евгения Водолазкина	46
<i>Russell J. R.</i> A Rusalka in Galicia	56
<i>Тантлевский И. Р.</i> «Еврейство и христианский вопрос»: о некоторых особенностях концепции В. С. Соловьева касательно «разрешения еврейского вопроса» в рамках создания в Российской империи единой православно-католическо-иудейской общности на «теократической основе»	82
<i>Николаев Н. Ю.</i> «Война как средство объединения человечества»: В. С. Соловьев о войне и мире	97
<i>Фомин В. В.</i> Ономатология А. Ф. Лосева: между богословием и философией	107
<i>Гравин А. А.</i> Концептуализация мифа: от Вячеслава Иванова и Алексея Лосева к Роберту Бёрду и Людмиле Гоготишвили	118
<i>Кропотов Р. С.</i> Проблема соотношения тождественного и иного в богословии неопатристического синтеза	127

<i>Фуртай Ф. В.</i>	Пикардия, Латинская империя, Русь: к вопросу о невероятных иконографических совпадениях	146
<i>Байкова А. Д.</i>	К вопросу о преемственности велико-княжеских титулов второй половины XV века из византийской традиции в отечественной историографии	164
<i>Кузнецова С. В.</i>	«Славянские известия» о ситуации в Боснии и Герцеговине в начале XX в.	176
<i>Медоваров М. В.</i>	Национальный характер албанцев в представлении российских деятелей второй половины XIX — начала XX в.	187

ЕВРОПЕЙСКАЯ МЫСЛЬ ОТ НОВОГО ВРЕМЕНИ К МОДЕРНУ И ЕЕ РЕЦЕПЦИИ В РОССИИ

<i>Шевцов А. В.</i>	К вопросу рецепции учения Л. Г. фон Якоба в русской философии	211
<i>Кленин П. В.</i>	Формирование образовательных идеалов в традиции позднего немецкого Просвещения	222
<i>Иваненко А. А.</i>	Философия религии И. Г. Фихте: статьи периода «Спора об атеизме»	232
<i>Алёткин В. А.</i>	Педагогическое учение Фихте в «Речах к немецкой нации»	241
<i>Евлампиев Ф. И.</i>	Духовная аристократия как совершенная форма государства и путь к ней в философии Платона, И. Г. Фихте и Д. Л. Андреева	250
<i>Муравьев А. Н.</i>	Об одном малоизвестном отечественном мыслителе Серебряного века, погребенном на кладбище Юрмалы	266
<i>Тимофеев А. И.</i>	Мих. Лифшиц: проблема исходных понятий эстетики Гегеля	273

<i>Ляшко И. А.</i> Наследие Б. Спинозы в учении Э. Ильенкова	283
---	-----

ВИЗАНТИЯ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ И СЛАВЯНСКОМ КОНТЕКСТАХ

<i>Пантелеев А. Д., Поникаровская М. В.</i> Греческая атлетика в Малой Азии и Египте римского времени (II–III вв.)	293
<i>Синицын А. А.</i> Византия — Русь, Европа — Россия: два истока сведений об античных философах в русской литературе (образ мудреца Сократа)	302
<i>Бегичев А. Д.</i> Осмысление неоплатонизма как формы античной культуры в российских журналах XIX века	325
<i>Миролюбов И. А.</i> Осмысление личности императора Константина Великого в IV–V вв.	335
<i>Даниш М.</i> 860-й год: византийско-хазарский диалог в контексте миссионерской политической практики	350
<i>Спиридонова Л. В., Курбанов А. В.</i> Комментарий Космы Иерусалимского на поэзию Григория Назианзина: вопросы атрибуции	362
<i>Щукин Т. А., Щербаков М. И.</i> Максим Исповедник и Михаил Пселл как толкователи Григория Богослова: триадологический аспект	376
<i>Щукин Т. А., Щербаков М. И.</i> Неподвижное Единое и самодвижная Троица: триадология Михаила Пселла, Иоанна Итала, Николая Мефонского	392
<i>Макаров Д. И.</i> О гибридном антично-христианском обосновании политики у Феодора Метохита («Памятные заметки», гл. 62–82)	406

<i>Курбанов А. В., Спиридонова Л. В.</i> Опровержение Варлаамом Калабрийским учения Фомы Аквинского о различении лиц Св. Троицы	430
<i>Сенина Т. А.</i> Необходимость и свобода в философии Георгия Гемиста Плифона в контексте его политической теологии	445
<i>Ноговицин О. Н.</i> Учение о синонимии и омонимии сущего в трактате Георгия Гемиста Плифона «О том, чем различаются Аристотель и Платон»	471
<i>Ульянов О. Г.</i> У истоков теории «Москва — Третий Рим» (византийские интеллектуалы при дворе Ивана III)	485
<i>Акишин С. Б.</i> О месте Византии в системе «Философии истории» Гегеля	498
<i>Ищенко Н. С.</i> Репрезентация несторианского богословия в романе Е. Хаецкой «Голодный грек, или странствия Феодула»	515

ГРЕЧЕСКАЯ АТЛЕТИКА В МАЛОЙ АЗИИ И ЕГИПТЕ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ (II–III ВВ.)

ПАНТЕЛЕЕВ

Алексей Дмитриевич

Кандидат исторических наук, доцент.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: a.panteleev@spbu.ru

ПОНИКАРОВСКАЯ

Марина Владимировна

Кандидат исторических наук.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук,

Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: poni-marina@yandex.ru

Ключевые слова:

Римская империя, Малая Азия, агоны, состязания, атлетика, спорт, атлеты Геракла.

В эллинистическое и римское время возникла единая система состязаний, обладавших разным уровнем престижа: высшую категорию образовывали панэллинские «священные игры с венками», менее значимыми считались «игры с призами». Большое значение в проведении этих агонов имели профессиональные объединения атлетов Геракла (спортсменов). Греческие праздники были центральным элементом в жизни городов и в межполисных отношениях. При помощи игр поддерживалась и сохранялась эллинская идентичность, они демонстрировали власть и богатство местных аристократов, часто выступавших организаторами этих состязаний. Влияние агонов чувствуется во всех сферах жизни полиса: в политике, архитектуре, памятных надписях и статуях, в общем ритме жизни. Эти игры были связаны с императорским культом, таким образом доказывая лояльность местного населения Риму. Эти зрелища приносили выгоды не только организаторам, но и участникам. Атлеты, одержавшие победу в «играх с венками», могли претендовать на свободу от налогов и литургий и ежемесячную выплату в городах, которые они представляли на состязаниях.

Мир греческих агонов в эллинистическое и римское время демонстрирует как преемственность с прошлым, так и многочисленные новшества. Сохранялось значение Олимпийских, Истмийских, Немейских и Дельфийских игр, называвшимися «священными играми с венками» (ἱεροὶ καὶ στεφανίται ἀγῶνες); в римское время они составили ядро престижных состязаний «с почетным въездом (победителя

в город)» (εἰσελαστικοί). Эти игры были открыты только для эллинов, но их эксклюзивность постепенно размывалась. Известные нам надписи в честь олимпийцев демонстрируют изменение границ греческого мира: в эпоху эллинизма большинство победителей были родом с Пелопоннеса, но с конца I в. до н.э. их доля сокращается в пользу атлетов из Малой Азии, Египта и Северной Африки; выходцев из Рима и Великой Греции совсем немного (не считая краткого пика в эпоху ранней империи, во многом обеспеченного шестью победами Нерона: Scanlon 2002, 40–63). Это свидетельствует о популярности атлетики в Египте и Малой Азии и финансовых возможностях этих регионов, позволявших готовить первоклассных спортсменов, и о том, что в западной части империи большей любовью пользовались римские зрелища.

Круг игр не ограничивался четырьмя общегреческими праздниками: реформировались старинные местные агоны и учреждались новые состязания. Некоторые из них объявлялись в подражание панэллинским «священными играми с венками», что считалось почетнее, остальные — так называемыми «играми с призами» (θέμιδες, ἀγῶνες θεματικοί). Традиционно эти два вида агонов противопоставляются, но на деле между ними не было особой разницы: в их программу входили одни и те же виды состязаний, в которых соревновались одни и те же участники, и они проходили по одним и тем правилам; со временем денежные призы начали вручать и на «священных» играх, а венок стал символом победы на всех агонах. Эти игры сформировали единую систему праздников, которая сохранилась и в римское время; она не была строго формализована, но все понимали престиж тех или иных состязаний, и для удобства участников и зрителей они были разнесены по времени. Большую роль в проведении этих игр играли профессиональные объединения техников Диониса — актеров, музыкантов, поэтов и всех, кто был связан с миром театра, и атлетов Геракла — спортсменов (Le Guen 2001; Aneziri 2002; Пантелеев, Поникарговская 2021).

Игры играли важную роль в римском императорском культе; города, учреждая новые состязания или перепосвящая старые, стремились продемонстрировать лояльность и добиться высокого статуса для своих праздников, что придавало дополнительный блеск полису. На рубеже эр города на Востоке лишились части автономии, и амбиции местной знати были перенаправлены римлянами в русло благотворительности — прежде всего, на строительство общественных зданий, а позже к этому добавилась организация игр и праздников. Император мог по собственной инициативе даровать право проведения

священных игр, что, как правило, сопровождалось более или менее значительной субсидией, но от местной знати требовались усилия по организации и проведению этих состязаний (Mitchell 1990, 191).

Эти праздники, продолжаясь несколько дней, влияли на всю жизнь полиса: на политику, архитектуру, памятные надписи и статуи, общий ритм жизни. Политический аспект состоял в приглашении или недопуске участников, зрителей и судей-наблюдателей (θεωροί) из других государств и городов. В честь игр и их участников выпускались особые серии монет, а для проведения состязаний строились театры, одеоны, стадионы, гимнасии, другие сооружения; конечно, было необходимо позаботиться и о размещении и питании гостей. Под эти праздники адаптировался религиозный календарь. Наконец, в честь победителей, организаторов и благотворителей устанавливались статуи и надписи, одним своим видом напоминавшие об агонах.

Идеалы, тяготевшие к идеалам эллинской образованности и атлетики, не были какими-то причудами эксцентричных благотворителей или школьных учителей. В восточной части Римской империи одной из функций эллинизма было обеспечение общей идентичности в городах и провинциях, достаточно сильно отличающихся друг от друга (как, например, малоазийские Ликия и Иония). Аристократы, позиционируя себя как городские лидеры греческого возрождения, таким образом обеспечивали свой авторитет и свою власть в полисе. Принадлежность к эллинской культуре, включая понятную местному населению атлетику и борьбу, была важна и с точки зрения римлян: проводимые игры формировали и поддерживали не только греческую, но и римскую идентичность.

Эти праздники были тесно связаны с культом императора: Демосфении, учрежденные в Эноанде во II в. н.э., начинаются в «день Августа» (SEG XXVIII, 1462, 14; 36), агонифет (устроитель игр) носил венки с изображением императора (55), совершались жертвоприношения (57–58) и десять себастофоров в белых одеждах и в венках из сельдерея несли в процессии императорское изображение (62–63). Возможно, целью всего этого мероприятия было угодить Адриану, любившему все греческое, но не все императоры относились к учреждению новых игр с таким же энтузиазмом, как Адриан: Антонин Пий или Марк Аврелий указывали, что лучше на эти деньги построить какое-нибудь общественно полезное здание. Но в любом случае все цезари во время этих праздников с благосклонностью принимали знаки почтения. Поборники чистоты римских нравов видели здесь прискорбный отход от традиций — Сенека (*Epist.* 89.18–19), Тацит (*Ann.* XIV.20) и Плиний Младший (*Epist.* IV.22) называли греческий спорт бесполезным и аморальным

(Papakonstantinou 2014, 327–328; Mammel 2014), — но для принцепсов было важно укрепить имидж защитников греческой культуры. Местные игры также следовали этой тенденции, называясь в честь Августа, Веспасиана, Адриана, Коммода и других императоров.

Кто соревновался в этих играх и что участие в них значило для участников? Мусическая составляющая агонов была отдана на откуп профессиональным актерам, поэтам и исполнителям — технитам Диониса. Традиционно считалось, что и в мире спорта сложилась такая же ситуация, там правила бал союзы атлетов Геракла (Gardiner 1930; Harris 1972), и то, что раньше было состязанием аристократов, превратилось в поединки между профессионалами, не всегда прозрачные и возбуждавшие подозрения в сговоре участников и судей. Техниты Диониса и атлеты Геракла получали за свои победы немалые льготы, и стремление конвертировать свои заслуги в экономические привилегии было характерно для участников игр по всей империи. Папирусы первых веков н.э. показывают, что свобода от налогов и гражданских повинностей и ежемесячные выплаты от городов ценились актерами и спортсменами едва ли не выше победных венков. В эллинистический и римский период города предоставляли пожизненные выплаты и льготы прежде всего победителям в священных играх, и здесь возник взаимный интерес победителей-ἱεροῦχοι и полисов. Победители игр, провозгласив себя жителями того или иного города, приобретали возможность получать пожизненное вознаграждение, а полисы — право устроить торжественный въезд победителя, его чествование и воздвигнуть его статую, что служило к вящей славе полиса в глазах жителей, соседей и римских властей. Со временем в этой сфере полисной жизни широко распространилась коррупция, причем главной целью стали не выплаты, так как деньги в III в. стремительно обесценивались, а свобода от налогов и особенно от литургий. В. Слейтер отмечает, что как только начали предоставляться финансовые привилегии, стали изыскиваться законные и незаконные средства для их получения, затем власти начали регулировать этот процесс, что, в свою очередь, привело к более сложным приемам при нарушении новых правил. Эта спираль раскручивалась до тех пор, пока вся система предоставления привилегий не была сокращена и радикально реформирована при Диоклетиане (Slater 2015, 166).

Тем не менее картину повсеместного господства атлетов Геракла стоит пересмотреть. Участники соревнований в римское время получали за победу награды на играх или пожизненное содержание от своих городов, и это позволяло талантливым спортсменам, не имевшим иных источников дохода, продолжать карьеру (Пантелеев,

Поникаровская, 2022). Но как минимум для некоторых областей на Востоке дело обстояло иначе: большинство участников игр были выходцами из местной знати, и, как замечает Ван Нейф, их лучше сравнивать со звездами тенниса, происходившими из обеспеченных семей, а не с футболистами, начинавшими свой путь в трущобах Рио-де-Жанейро. Он обращается к примеру борца из Эноанды Луция Септимия Флавиана Флавиллиана, который известен нам по четырем надписям. Первая была сделана ок. 212 г. его отцом в честь победы в борьбе мальчиков на Мелеагриях в Бальбуре; уже тогда он, видимо, подавал такие надежды, что его называли *παράδοξος* — «необыкновенный» (SEG XLIV, 1194). В 230-х гг. Флавиллиан побеждает в борьбе и панкратионе; в это время он вошел в элиту атлетического мира, успешно выступая в Афинах, Арогосе, Эфесе и Неаполе (SEG XLIV, 1195; 1196). Наконец, в надписи 231/2 г. говорится, что он снова победил в панкратионе на играх, организованных Эварестом (SEG XLIV, 1169). Здесь перечисляются и другие его победы, и отмечается, что он имел гражданство еще трех ликийских полисов (Van Nijf 2012, 175–194). Очевидно, что его успехи были плодом значительных усилий, он тратил время, силы и средства на тренировки и разъезды по соревнованиям. Но он был не только и не столько атлетом, сколько членом знатной семьи Лициниев, из которой происходили римские администраторы и жрецы императорского культа, а его отец Флавиан Диоген был ликаром — эта должность была предназначена для самых знатных и богатых людей (IGR III, 500(v)).

Флавиллиан с радостью получал денежные призы и, возможно, ежемесячные выплаты и освобождение от налогов за выигранные венки, но очевидно, что для него победа и почетные надписи и статуи в родном городе были важнее призовых. Борьба и панкратион не были для него *ἐπιτηδεύματα*, основными источниками доходов. Высший дивизион атлетов в основном составляли подобные Флавиллиану аристократы, и не стоит думать, что они избегали контактных видов спорта: они занимались не только бегом или пятиборьем, но и панкратионом, кулачным боем или борьбой. Атлетическая подготовка была тесно связана с культурой гимназия, которая не то, чтобы полностью в это время была монополизирована элитой — мы знаем имена торговцев и ремесленников, которые там занимались, — но всерьез не распространялась за пределы достаточно узкого круга состоятельных семей (Brunet 2003). Профессиональные тренировки требовали досуга и средств, которыми обладали далеко не все желающие, и, несмотря на спорадическую поддержку способных спортсменов из низов общества, ядро атлетов-участников игр составляли выходцы из знати.

Самыми многочисленными посетителями гимнасия были эфебы — юноши, готовые стать полноправными гражданами полиса. Для их обучения городом или эвергетами нанимались учителя философии, геометрии, риторики и других дисциплин, но прежде всего те, что обучали гимнастике, стрельбе из лука, метанию дротика и другим физическим упражнениям, которые и составляли большую часть их занятий. Эфебы и παῖδες, мальчики, не достигшие возраста эфебов, соревновались в тех же дисциплинах, что и взрослые; те, кто проявил несомненные способности и мог и был готов посвятить этому свою жизнь, становились профессиональными спортсменами, большая же часть выступала у себя в родном городе или по соседству. Победа в Олимпийских играх была безусловным поводом для гордости, но не меньше ценились и успехи в местных состязаниях: в честь чемпионов на агоре, в гимнасии, вдоль основных улиц устанавливались многочисленные надписи и статуи; буквально весь город был заполнен свидетельствами этих триумфов. Мы видим своего рода культ всепобеждающей юности, и это заставляет по-новому взглянуть на ту картину всеобщего пессимизма и отвращения к собственному телу, что так ярко в свое время описал Э.Р. Доддс в «Язычнике и христианине в смутное время». Это была не только своего рода летопись спортивных успехов жителей полиса, но и указание на то, что эти победы одержали выходцы из нескольких знатных семейств. В надписях воедино сливаются борьба, благотворительность, панкратий, происхождение, городские должности и другие признаки успешности. Спортивные успехи на этом фоне выглядят полученными по праву рождения, как некий классовый атрибут вроде богатства, филантропии или παιδεία.

Изготовление надписи было недешевым удовольствием, так что у представителей элиты было преимущество при увековечивании памяти о своих победах. Но хорошая родословная и возможность тренироваться не гарантировали успех, и в нашем распоряжении есть несколько надписей о совместных победах, причем почти во всех случаях один победитель, в отличие от второго, не связан с местной элитой: у него краткая родословная или ее вовсе нет, нет указания на занимаемые должности или на оказанные родному городу благодеяния (CIG 4380g; SEG XLI, 1349; SEG XLI, 1352). Ван Нейф полагает, что, когда начинал побеждать менее знатный боец, судья, как правило, тоже выходец из местной знати, мог остановить состязание, зафиксировав ничью (Van Nijf 1999, 192). В случае гнева зрителей всегда можно было сослаться на известный прецедент — поединок Аякса и Одиссея, остановленный словами Ахилла: «Кончите вашу борьбу и трудом не томитесь жестоким. Ваша победа равна; и, награды вы равные взявши,

с поля сойдите» (Ном. II. XXIII.735–739; пер. Н.И. Гнедича). Наконец, есть надписи в честь атлетов, которые участвовали в играх, но не одержали победу (SEG XLIV, 1191; XLI, 1351): юный Валерий «с отличием» участвовал в соревнованиях по борьбе среди мальчиков, ничего не выиграл, однако получил поощрительный приз, так как его отец был агонетом.

Как к этим играм относились обычные горожане той же Эноанды? Конечно, можно предположить, что колбасники, кожевники и торговцы наслаждались выступлениями поэтов, кифаредов и флейтистов, но надежных оснований для этого у нас нет. Наоборот, сама надпись демонстрирует, что для развлечения обычной публики отведены три дня в конце игр, когда устраиваются выступления нанятых артистов, в том числе мимов и исполнителей песен, и прочие представления. Это могли быть какие-то силачи, декламаторы непристойных стихов или песен, жонглеры или другие артисты, известные нам по надписям первых веков н.э. Что касается мимов, то их престиж быстро рос: если Демосфен им не назначает никакой награды и вовсе исключает из программы состязаний, то вскоре они становятся важнейшей частью античной зрелищной культуры, а трагический актер потерял свой престиж. С атлетическими состязаниями дело обстояло совершенно иначе, и их престиж в глазах местной публики был намного выше.

Итак, в римское время греческие игры в восточной части империи имели большое значение как для внутренней жизни городов, так и для связей между полисами. Об этом свидетельствует как обилие надписей и папирусов, посвященных состязаниям и прославляющих их победителей, так и множество построенных и отреставрированных стадионов, гимнасиев и театров. Игры были самым заметным проявлением греческого духа, отражая интересы и богатых аристократов, организующих их, и менее образованного большинства, развлечения для которого также входили в программу праздников. Эти праздники устраивались таким образом, чтобы, с одной стороны, удовлетворить притязания местной знати на демонстрацию власти и богатства, а с другой — при помощи связи с императорским культом показать лояльность Риму. Греческие игры давно стали привычной частью праздничного цикла и в Риме, и на Западе в целом, и даже те императоры, что не выказывали такой одержимости эллинской культурой, как Адриан, благосклонно относились к инициативам по их организации на местах, особенно если они не требовали никаких финансовых затрат от них. Наконец, надо понимать, что Вторая софистика и увлечение литературой не были единственным маркером эллинской идентичности

для местной аристократии, и в некоторых провинциях не меньшее значение имели занятия атлетикой и победы в спортивных состязаниях хотя бы местного значения.

ЛИТЕРАТУРА

- Пантелеев, А.Д., Поникаровская, М.В. (2021), “Актеры и императоры: техниты Диониса в I–II вв.”, *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 25.2: 1003–1013.
- Пантелеев, А.Д., Поникаровская, М.В. (2022), “Атлеты, императоры и бюрократия в первые века новой эры”, *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 26.2: 898–910.
- Aneziri, S. (2002), *Die Vereine der dionysischen Techniten im Kontext der hellenistischen Gesellschaft: Untersuchungen zur Geschichte, Organisation und Wirkung der hellenistischen Technitenvereine*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Brunet, S. (2003), “Olympic Hopefuls from Ephesos”, *Journal of Sport History* 30: 219–235.
- Gardiner, E.N. (1930), *Athletics of the ancient world*. Oxford: Clarendon Press.
- Harris, H.A. (1972), *Sport in Greece and Rome*. London: Thames and Hudson.
- Le Guen, B. (2001), *Les associations de technites dionysiaques a l’époque hellénistique*. Paris: De Boccard.
- Mammel, K. (2014), “Ancient Critics of Roman Spectacle and Sport”, in P., Christesen, D.G., Kyle (eds.), *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*, 603–616. Oxford: Wiley Blackwell.
- Mitchell, S. (1990), “Festivals, Games and Civic Life in Roman Asia Minor”, *Journal of Roman Studies* 80: 183–193.
- Nijf, O. van (1999), “Athletics, Festivals and Greek Identity in the Roman East”, *Proceedings of the Cambridge Philological Society* 45: 176–200.
- Nijf, O.M. van (2012), “Athletes, artists and citizens in the imperial Greek city”, in A., Heller, A.-V., Pont (eds.), *Patrie d’origine et patries électives: les citoyennetés multiples dans le monde grec d’époque romaine*, 175–194. Bordeaux: De Boccard.
- Panteleev, A.D., Ponikarovskaya, M.V. (2021), “Actors and Emperors: the *Technitai* of Dionysus in the 1st–2nd Centuries AD”, *Indo-European Linguistics and Classical Philology* 25.2: 1003–1013. (in Russian.)
- Panteleev, A.D., Ponikarovskaya, M.V. (2022), “Athletes, Emperors, and Bureaucracy in the First Centuries”, *Indo-European Linguistics and Classical Philology* 26.2: 898–910. (in Russian.)
- Papakonstantinou, Z. (2014), “Ancient Critics of Greek Sport”, in P., Christesen, D.G., Kyle (eds.), *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*, 320–331. Oxford: Wiley Blackwell.
- Scanlon, T.F. (2002), *Eros and Greek Athletics*. Oxford: Oxford University Press.
- Slater, W. (2015), “Victory and Bureaucracy: The Process of Agonistic Rewards”, *Phoenix* 69: 147–169.

GREEK ATHLETICS IN ASIA MINOR AND EGYPT OF THE ROMAN PERIOD (2ND–3D CENTURIES AD)

PANTELEEV, Aleksey D.

CSc in History, Associate Professor.
Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

E-mail: a.panteleev@spbu.ru

PONIKAROVSKAYA, Marina V.

CSc in History.
St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia.

E-mail: poni-marina@yandex.ru

Keywords: Roman Empire, Asia Minor, Agones, Competitions, Athletics,
Sports, Athletes devoted to Heracles.

Games in the Hellenistic and Roman periods demonstrate both continuity with the preceding time and innovations. They formed a unified system of competitions with different level of prestige: the highest category was formed by pan-Hellenic “sacred games with wreaths”, the so-called “games with prizes” were considered less significant. Since the Hellenistic era, professional associations of the “Athletes devoted to Heracles” (sportsmen) were very important in holding these festivals. Greek festivals were a central element in the life of cities-states and in relations among different poleis. With the help of the games, the Hellenic identity was maintained and preserved. The games demonstrated the power and wealth of local aristocrats, who often acted as organizers of these competitions. The influence of the agones was felt in all spheres of life of a polis: in its politics, architecture, commemorative inscriptions and statues, in the general rhythm of life. These games were associated with the imperial cult, thus proving the loyalty of the local population to Rome. Those athletes, who won the games, included in the special list of “sacred games with wreaths”, could claim monthly payment and freedom from taxes and liturgies in the cities, which they represented at the competitions.

DOI: 10.31119/berst.2023.3.23
